

Симфония смерти для непобежденных автозаводцев.

Из потерянной записной книжки

У вас когда-нибудь перехватывало дыхание из-за свиста пули над головой? А слышали ли вы звук бомбы, падающей с ревущего бомбардировщика? Или вой женщины, получившей похоронку на сына, мужа, отца?..

А ведь это – реалии, в которых жила наша страна в сороковые годы... Да, уже прошлого века. Но такую память трудно стереть из воспоминаний даже нашего поколения... Почти в каждой семье советской России были погибшие или пропавшие без вести или те, кто умер от голода, тяжелых ран и увечий. До сих пор воспоминания о тех грозных событиях свежи в памяти нашего народа, и до сих пор в семейных архивах хранятся фотографии бойцов, треугольники писем, похоронки на близких, ордена и медали...

Так и в семье моей знакомой, Сергеевой Дарьи Михайловны, хранится дневник прадедушки, Воробьева Михаила Ивановича, очевидца Второй мировой войны. Его рукой в дневнике написаны такие строки, каких не прочитаешь нигде и какие нельзя читать без слез. Это подлинное горе, ни с чем не соизмеримая боль человечества в военные годы...

Обычная рабочая семья. Жили на Автозаводе (тогда – поселок Американка города Горького). В семье три взрослых сына. Михаил остается работать на заводе, а его братья, Александр и Иван, отправляются на фронт. Михаил начинает вести дневники...

Началась война...

Через несколько часов после начала войны 22 июня 1941 года по радио прозвучало обращение к советскому народу с призывом встать на защиту Отечества, в этот же день вышел экстренный выпуск газеты «Горьковская коммуна».

Первые авианалёты на завод были совершены днём 4 ноября 1941 года и на следующую ночь. И об этом – запись в дневнике:

5 ноября

Всю ночь мы продрожали в убежище. Было очень холодно и страшно. Ночь была светлая, лунная. Когда затихала бомбёжка, мы

выходили из щелей в дом, обедали (вернее ночевали), немного спали. Раздавался шум, стрельба, и мы снова с узлами наперевес, бежали в яму. Настало утро. Прошёл первый день бомбардировки. Напугал он нас очень. Теперь мы узнали, что значит бомбардировка. Утро было хорошее. Наступал ясный, морозный день. Как только рассвело, по дороге потянулись люди с узлами, мешками в деревни. Все спешно эвакуировались.

6 ноября

Ночью я проснулся от грохота, снова бомбили. Мы все собрались за печку, в узкий простенок и сидели. Сильно били зенитки, было довольно страшно, но не так, как в убежище дома. Кое-как мы перетерпели всё это. Настало утро. Мы, поев, отправились домой. Вечером мы все были дома. Опять ждём бомбёжки. Чего ещё ждать? Завтра праздник Октябрьской революции, завтра, наверно, сильно будут бомбить. Не знаю. Наступает вечер.

7 ноября

Ночь прошла спокойно. Мы спали. Наутро мы пошли домой. Вечером было спокойно. Не бомбили. Хорошо. Теперь всякая точка в небе пугает, всякий самолёт. Что будет дальше?! Посмотрим.

Сейчас на фронте дела лучше, намного. «Грабъармия» немцев откатывается, и недалёк тот час, когда наша земля будет совсем свободна от этой нечисти. «Грабъармия.» Достойное, весьма, для неё название. Наши войска почти что каждый день берут города...

«Грабъармия» – никогда не слышала, чтоб фашистов так называли (в дневнике так и написано – с «Ъ»), Наверное, русские люди еще не понимали, что война будет продолжаться еще долгих 4 года, и не просто грабить пришли сюда эти фашистские полчища – убивать! И зверствам этой «цивилизованной» армии не будет числа!!!

Трудно ли было в те дни пареньку и тем, кто был рядом? Да. Страшно? Безусловно. Но это только начало.

30 декабря

Скоро новый 1942 год. Что он несёт нам? В 42 году мы непременно разобьём фашистскую Германию. Это будет!!! Говорят, что со следующего месяца снова будут давать 800 гр. хлеба. Вот хорошо бы, хоть на 100 гр. больше — и то хлеб. Кстати, наши войска прорвали линию обороны на Сталинградском фронте и немцев отогнали на 60-70 км. Заняли ряд городов. За 3 дня. Взяли в плен 23000 фрицев. Наступление продолжатся. О! Дай боже! Скорее фрицев и гансов из нашей России. Россия – для русских, а не для

разных дегенератов, вроде немцев. Так же с этим знаменем разобьём эту проклятую орду и докажем всему миру, что русские – непобедимы. Русская армия — это сильнейшая армия мира. Забираем у немцев наши города и сёла. Гоним эту Габъармию.

Как хотелось верить в победу! Но... Вот уже и лето 43-го года.

В июне 1943 года на город было совершено три крупных налёта, основная цель – автозавод им. Молотова. На город сыпались фугасные и зажигательные бомбы. Погибло 254 жителя Автозаводского района.

После кино, только дошли до мостков, забили зенитки. Дома полная воздушная тревога... Все одеваются, собирают вещи. Вдруг комната озарилась красным, ярким светом, и я, выглянув из окна, увидел в вышине летнего звездного неба штук 8 осветительных бомб, которые раньше я знал по описаниям... Началась бомбежка. Мы бросились в щель, в которой уже было полно народу. В щели немного потише. Но вот все настораживается. Над нами явственно раздаётся шум мотора. Огонь орудий учащается. Трещат пулемёты, в щели все прогибаются, зажимают уши, открывают рты. Раздаётся резкий свист – летит бомба. Свист всё ближе и ближе и... Глухой взрыв, от которого содрогается земля, качаются стойки убежища, летят стёкла в домах. Самолёт удаляется. Все оживают. Потом снова рёв мотора, и вновь взрыв, волна воздуха, дзинь, бряк, тррр. Всё рушится, ломается.

Затихло. Вышли из щели и ахнули. Вся левая сторона завода в огне. Море огня, где ещё раздаются редкие взрывы бензина или кислорода. Горит Соцгород, горит на гавани (где скоро потушили), горят Новинки на горе – это, вероятно, ориентир для лётчиков. Небо, бывшее до этого ясным, стало чёрное от дыма, воздух горячий, ни ветерка. Пламя бьёт ввысь, освещая всё кругом. Мы определили приблизительно – горят Т.Э.Ц., мотор 2, кузница и др. Утром мы узнали, что не ошиблись в догадках. Ещё долго до рассвета. Вдруг снова выстрелы. Мы бросились в щель.

Снова всё повторилось. Взрывы, треск, вопль людей где-то. Время 3 часа. Рассвет робко заглянул в нашу яму, наполненную людским ужасом, страхом перед только что ушедшей смертью. На востоке заалело – собиралось всходить солнце, но дым густой пеленой застлал горизонт и всё ещё темно от него.

Рассветало. Все вылезли из щели, всё оживо, зашевелилось, точно после грозы, когда в траве точно так же начинается суетливая жизнь. Застучали молотки, заколачивая окна, заскрипели

двери, запели, притихшие на время петухи и все почувствовали, что были на краю пропасти, но снова по воле чьей-то вышли на дорогу. Люди делились впечатлениями, говорили, что надо сматываться, что в аду жить нельзя и т.п. Наиболее деловые побежали складывать вещи, готовясь смыться в деревню. Я пошёл вздремнуть, ибо надо утром на работу.

В 7 ч. пошли на работу. Воды нет, света нет, по-видимому, разбит Т.Э.Ц., идём, смотрим разрушения. В заводе пожар догорает. Разбит Т.Э.Ц., почти что вся левая сторона завода, весь «ГАЗ». Наш корпус цел, кроме стёкол, главный корпус изрядно потрепан. Убит один начальник цеха, ранен директор, диспетчер и др. Вокруг царствует тишина, которая редко здесь бывает. Не работает ни одно учреждение. Мы слоняемся по цеху, обсуждаем, как будет сегодня. В 5 ч. пришел домой.

Вот они — тыловые будни заводчан. Да, есть место и растерянности, и отчаянию, и страху, но главное, что понимает даже юный паренек: «Завтра надо на работу!»

5 июня

Ночь. Стрелка подходит к 12:10 мин. Воздушная тревога. Снова, как и вчера, в полной форме с противогазами, в зимних пальтах бросаемся в щель. Забили зенитки, как бы открывая первую часть книги. Стою у края щели.

Стараюсь быть спокойным, но какая-то непроизвольная, внутренняя дрожь окутывает моё тело. Вот раздаются тупые взрывы авиабомб, в щель ударяет горячая волна воздуха, все невольно ахают и жмутся друг к другу.

Мечтательное звёздное небо снова покрыто разрывами снарядов, легкими облачками, ярким огнём осветительных бомб, которые медленно спускаются на парашютах, а зенитки старательно лупят в них, стараясь сбить, и когда это им удаётся, то бомба рассыпается на сотни светящихся точек и падает вниз. Картина снова, как и вчера. Горит левая часть завода, горят Новинки и Соцгород. Страшно, а ведь завтра во 2 смену. Чёрт возьми! Панька говорит, что у меня 90% из 100% быть убитым, и это верно. Кругом нас просто красивая иллюминация, точно фейерверки летят трассирующие пули, горят бомбы, разрываются снаряды от зениток. Всё небо красно от пожара. Ревут моторы немецких машин, летая и сея этот хаос, шум, разрушения — смерть. Вот сейчас у меня

в сердце зажглась ненависть к этой «высшей расе», с такой методичностью и спокойствием уничтожающей мирное население.

Очередь зениток стихает, по-видимому, половина вышла из строя и всё слышней и явственней раздаются взрывы. В такие минуты люди в нашей щели (да и вообще) необычайно кротки, нежны до слёз со своими близкими, по-христиански добры. И, кажется, всё зло ушло, царствует лишь лучшее чувство – гуманность и доброта. Каждый старается утешить соседа, успокоить, просит прощения всех обид (на что следующий отвечает «Бог простит»). Все говорят, дескать, жизнь сделала всех такими злыми, все желают любого конца войны, некоторые молятся, страстно и вдохновенно. И под эти крики, молитвы и плач я думаю неотступную думу, сверлящую мою душу: «Останусь ли я жив?». Сколько раз я был готов примириться с тем, что буду убит, но какой-то внутренний голос шептал, что нет, жизнь так прекрасна, надо суметь сохраниться. «Но ведь сие от нас не зависит – не так ли?» В конце концов, если будет прямое попадание, то секунда, огонь, мрак и всё провалится в какую-то яму. Только бы не мучительная смерть.

Рассвет. Солнца не видно – оно всё в дыму от пожарища. Горит завод.

Надо поспать, да и всё равно ко 2 смене.

...мальчишке хочется смотреть на звезды, встречать солнце... Просто хочется жить! Он уверен в победе своей Родины, хотя его будни полны огня, взрывов бомб, клубов черного дыма, выстрелов, разрывов снарядов, хаоса, шума, разрушений, криков, молитвы, плача и смерти... «Картина снова, как и вчера», – говорит нам автор дневника.

Заметно, что речь Михаила начинает меняться: сравните самые первые, сжатые, короткие записи и «сегодняшние» – пространные, развернутые. .. Михаил стремится увидеть и рассмотреть каждую деталь, выразить чувства, которые испытывают он и люди, находящиеся вместе с ним... Осмыслить каждое мгновение жизни, которая, возможно, будет очень короткой. Помните, как заявил какой-то неведомый нам Панька: у каждого «90% из 100% быть убитым» ... И все-таки так хочется верить, что все обойдется...

6 июня

Ходим, смотрим воронки. Да, что-то нет письма от брата Вани. Как уехал, с тех пор ни одного письма. Уже 2 месяц пошёл. Тревожно. Неужели за опоздание посадили? Не верю. Нет. Всё-таки должен написать. С 4 ч. на работу. Панька провожает меня прямо в завод.

Дорогой друг! Я ему говорю, что в случае моей гибели делать с дневниками и стихами. Мы прощаемся, и я ухожу в страшное ожидание. На рабочих местах одни мужчины, женщин отпустили домой, ибо это – обуза.

Пообедали на ночь. Закрыли уцелевшие окна и напряжённо ждём, вслушиваясь в темноту. Дремлем.

Время: к 12 ч. Выходим на улицу к подвалу. С любопытством смотрим на небо. Вот замелькал луч прожектора, потом другой, выстрелы батарей и началась третья, страшная ночь. Мы сидим в глубоком бетонированном подвале, сделанном по последнему слову техники. Сюда ещё еле доносятся взрывы, и ной зениток, но удары бомб дают о себе знать – от них трясутся колонны и стены убежища. Люди настораживаются, вслушиваются и снова опускают головы, стараясь задремать.

Вдруг вбегают начальник М.П.В.О. – «Кто с лопатами – наверх!»

И хотя у меня не было лопаты – я всё-таки побежал наверх в цех. После я долго раздумывал – как я решился сделать это, но не пришёл ни к какому выводу. Прибежав в цех, я увидел на полу тёмную массу, льющую яркий свет, огонь, треск, шипенье. Это была зажигательная бомба. С ней мы справились быстро. Засыпали песком. Вдруг звон стекла и... На полу неподалёку от нас ещё факел. Мы туда. И затушили. Постояли. Только собрались уходить – стук об крышу и 3-я бомба, пробив крышу, половиной корпуса застряла в ней. Стабилизатор вверху, а огнедышащая часть в цех. И вниз полетели брызги огня. Минута замешательства, потом громовой голос начальника М.П.В.О. – «Орлы, кто на крышу, скорее!» – «Выбейте её в цех». Вызвался бывший краснофлотец. Убежал. Через минуты 2-3 летит к нам зажигалка, и один из нас, схватив её, сунул в песок. Всё.

Мы, оставив посты, ушли вниз, рассказывая, как было дело. Затихало, но ещё били орудия, когда мы выглянули на улицу. Прямо перед нашим цехом горел сарай, и была огромная яма, через цех, горел колёсный, дальше ещё и ещё, Сплошное море пламя. На литейке была зенитка – сейчас, как языком слизнуло и только обломки досок и говорят, что здесь что-то было. У нашего цеха отбило порядочный угол, упала фугаска и говорят, часовой,

стоявший неподалёку, услышав свист бомбы, нагнулся и остался жив.

Стоим толпой у цеха, вдруг бегут бойцы. – «Товарищи, там людей завалило, помогите!» – «Кого? Кого?» – «Бойцов! 22 человека» – «Бежим, ребята!» – рявкнул начальник М.П.В.О., и мы помчались.

И тут я впервые увидел мёртвых, убитых и заваленных людей. Их вырывали молча, брали, бережно клали на носилки, сестра бросалась к пульсу, все с надеждой ждали, но она (сестра) вставала и говорила мрачно: «Мёртв. Унесите». Уносили. И так все 22 человека: молодые ребята и пожилые землепашцы и рабочие. В груди у меня была какая-то сдавленность, точно рвота, и я пошёл в цех. В 5 часов пошли все домой. Везде были следы разрушений. На Комсомольской сметена проходная, разбита машина с боеприпасами, всюду валяется оружейный порох, некоторые собирают его. Тут же грузят на машину мёртвых людей, точно брёвна или дрова, равнодушно и спокойно. То и дело машина, на которую я сел, останавливается, объезжает громадные воронки от бомб. Дома на посёлке горит дом. Лёг спать.

Люди на войне быстро взрослеют. Михаил не раздумывая побежал обезвреживать бомбы, это и есть правда военного времени. Есть в русском народе что-то необъяснимое, но присущее всем нам. На уровне подсознания, невыразимой словами потребности – защищать свой дом, своих близких, делать невозможное, преодолевая личный страх...

Еще недавно он задавался вопросом: «Останусь ли я жив?», писал, что «не нам решать, что будет, как будет». Но я думаю, что увиденные им «мертвые люди», которых «... грузят на машину... точно бревна или дрова, равнодушно и спокойно» подтолкнули подростка к более яростному сопротивлению злу и смерти. К борьбе за свою жизнь и за жизнь окружающих.

7 июня.

Сегодня тёплый, солнечный день. Встал в 3 часа. Вышел на улицу.

Хорошо. В вышине проплывают белые облачка, изредка заслоняя солнце, тихо веет ветер. На душе какая-то щемящая тоска, тоска по родине. Выйдешь утром рано на крыльцо, солнце ещё не взошло, а краем выглянуло из-за горизонта. Начинают перекликаться неуверенно между собой птицы, как бы пробуя голоса, кое-где кричат петухи. Вдохнёшь полной грудью свежий воздух, и чем-то знакомым

и родным повеет на тебя, горько-горько станет, что хочется плакать. Ветер донесёт до тебя запах лугов, леса. И думаешь, что полжизни сейчас бы отдал лишь за то, чтобы снова уйти в ту пору, когда я бегал мальчишкой по золотой траве, по лесу, собирал грибы и ягоды, ловил рыбу, слушал пение птиц. Эх!

Вечером иду на работу. Дни стоят жаркие с душной ночью. Пришли.

Половина рабочих смылась домой в боязни перед бомбёжкой. Я, повинуясь долгу комсомольца, остался. Ну, бомбили не эффективно. Пощёлкали и всё. В 5 ч. утра иду домой. Дома все спят в полном походном обмундировании. Лёг в сарай и быстро заснул...

...Сходил на работу. Возвращаюсь – темнеет. Дома, как бы насупились перед чем-то роковым. Зияя своими брешами, впадинами окон, они стоят пустые и безмолвные. Не скрипнет дверь, не хлопнет окно, все ушли на Оку – спасаться. Всё молчит. Не работает завод, умолкли его двигатели, и на посёлке воцарилась необыкновенная тишина, изредка прерываемая треском пулемёта и выстрелом зенитки, да изредка проревёт пароходный гудок, эхо пролетит по Оке, перекатываясь по пескам, и постепенно замрёт в дали. И снова тишь. Ночь спали спокойно, хотя и ожидали многого.

Оказывается, ко многому можно привыкнуть, даже к бомбежке – «Пощёлкали, и все». Оказывается, и в этом кошмаре, а может быть, особенно в этом кошмаре сильнее хочется видеть просто красивое, слушать просто тишину, радоваться малому. Вполне нормально, что человек тоскует по своей родной деревне, откуда приехал работать на завод, месту, где родился, вырос, узнавал этот мир. Ему будет всегда отведен «уютный уголок» в душе. Самое главное, что, видя ужасное, он не перестал видеть прекрасное.

10 июня

День был, как и вчера. Вечером в 12 ч. нас подняла всех на ноги стрельба. Потом, когда стали разрываться бомбы, встали. Я в костюме бросился в убежище. Знакомо били орудия, хлопали разрывы бомб, и небо, было красное от осветительных авиабомб. Это был ужасающий налёт. Вот снова загорелся завод, вспыхнула гавань, небо стало красным от пожара.

Боже мой! Скорее бы утро. Узнать, что там. Но всё так же стучали пулемёты, над нами раздавался знакомый рёв мотора, который плотно запомнился с 4 ноября 1941 года. В щели хныкали, дрожали. Наконец медленно спустился на землю кровавый рассвет.

Все вышли из ямы, говоря, что это самая жуткая ночь из всех ночей. Завод горел. Гавань пылала. Пламя заходило и на бензобаки.

Прибежал П. – «Пошли на Гавань!» – «Пошли». Мы побежали. Везде чернели дыры в земле от неразорвавшихся бомб, мы обходили их с опаской. Мчались пожарные команды, скорая помощь и машины. Пожар горел. Изредка ввысь взлетало пламя, слышался плач и треск. Эх! Убежать бы от этого ада куда-нибудь в лес и жить отшельником! На работу в 2ч. Выплюсь. Но спать не дали. Пошли с вещами на Инструментальный. Оттуда на работу.

13 июня

– «Миша! Тревога! Вставай!» Натягиваю только что снятое бельё, одеваю всю зимнюю форму, мешок на плечи и к убежищу. Ночь была прекрасная. Ярко светила ещё не совсем сформировавшаяся луна-полумесяц, кое-где были тучки. Тишина. Напряжённо вслушиваемся в каждый звук. Прошло 30 мин. Но вот на той стороне заскользил луч прожектора, выстрел, другой. Ближе, ближе, над нами, сильнее и сильнее и вот всё сливается в сплошную грозную симфонию. Симфонию смерти. Мы внизу в щели. Посыпались первые бомбы. Эта была самая ужасная бомбёжка из всех.

Бомбы сыпались одна за другой, и уже не отдельные были взрывы, а сплошной тяжёлый звук, от которого тряслась наша щель, летели стёкла. «Едва ли выживем», – думали многие в эту ночь. Добрая половина плакали. Я посоветовал лучше молиться и вот, повинуясь, некоторые стали молиться – жадно просить Бога нашего о спасении жизни. (Видно Бог услышал, ибо мы остались живы.)

Так от юношеской бравады и надежды на справедливость мира юноша приходит к вере... Правильно говорят: «На войне атеистов не бывает». Удивительно, что он, еще юнец, сумел поддержать людей взрослых, очень мудро остановить надвигающееся отчаяние...

14 июня

Бомбёжка продолжалась. Время часа 2. Скоро должна кончиться. Как и полагается, всё кругом горело. Горела Карповка, на Культбазе, Шарага, Двигатель, Хоздвор. Небо было красное, было жарко. Но вот сквозь тьму стал прорезаться синеватый рассвет, тот долгожданный спасительный рассвет, которого все с нетерпением ждут всю ночь в бомбёжку.

Я, Ш. Ю. побежали на котельную вышку. Залезли и ахнули. Всё в огне.

Доехали до культбазы. В лесу приятно пахло древесным соком – везде валялись деревья, вырванные с корнем, чернели воронки. Зажигалки набросаны через 5 шагов каждая. Мы отправились искать целые. Много мертвых людей и раненных. Есть убитые узбеки. Смерть застала их в самых различных позах. Вот один, видно, бежал, и ему сзади вырывало всё: и лопатки и прочее, и он так и упал вперёд лицом, с открытыми глазами, и судорожно скривлённым ртом. Другой с пробитой грудью лежал, лицом вверх и в глазах, как будто замер упрек, и проклятье тому, кто обрек их на смерть. Раненых грузили на машины и увозили. Нашёл зажигалку, подумал о том, что она могла бы стоять на столе, как память об этих кошмарных годах. В 2 ч. на работу. Все взбудоражены бомбёжкой, и секретарь парткома в цеху выступил с пламенной речью, говоря, что победа даётся с трудом, и что её нужно ковать здесь в цехах, а не в деревне, смывшись от бомбёжки. Не знаю, прилетит ли сегодня. Просто жуть.

Страшно читать этот фрагмент дневника. Неприкрытый ужас смерти. Но ведь это было здесь – Карповка, «Двигатель», Соцгород... Говорят, что место наших озер на Автозаводе – это воронки, оставшиеся от бомбежек. А до войны здесь были бараки – общежития для рабочих завода. Читая дневник Михаила, я готова поверить этому... Бомбежки каждый день! Каждый мог стать последним. Можно было погибнуть от сброшенной бомбы, выстрела, пожара.. везде поджидает опасность. Еще страшнее, когда нет выбора и ты должен быть там, где опасно. Потому что ты мужчина, комсомолец. Потому что два твоих брата на фронте, и им еще страшнее, чем тебе. Потому что вся страна – сплошная линия фронта...

Он еще способен на поэтическое сравнение: мол, «бомбёжка – это своего рода симфония. Пулемёты – это первые голоса; скрипки, средние, зенитки – 2 голоса, тяжёлые – басы, а разрывы бомб – барабан. И получается действительно здорово». Но, кажется, что в этом – попытка отвлечь себя от страшных мыслей, от нескончаемого ужаса происходящего. И дневник помогал осмыслить происходящее, не подвластное никакому разумному объяснению.

Иногда в его дневнике прорываются горькие нотки: «Золотое детство. Как, бывало, мы мечтали, собравшись в кружок, что будем инженерами и врачами, лётчиками и моряками. Да! Мы думали, что жизнь – это кино или хорошая книга, а вместо этого мы получили суровую действительность».

На фронтах Великой Отечественной войны сражался каждый четвертый житель области. Более 350 тысяч человек не вернулись с полей сражений – погибли, пропали без вести или умерли от ран в госпиталях. Как ждали с фронта любой весточки и как боялись этих вестей!

25 декабря 1944 года семья Михаила, родители, получили письмо с фронта. Командир взвода, в котором служил брат Михаила, писал: «Поздравляю с Новым годом!» И далее: «За время нахождения вашего сына в нашей части, он показал себя дисциплинированным и храбрым в боях, честно преданным партии Ленина – Сталина и нашей великой Родине».

Брат прошел все войну, освобождал Венгрию, брал Берлин... Терял и хоронил товарищей, был ранен, тяжело страдал от лишений... Впрочем, как все. А вот его командир, лейтенант Журавский, написавший родным такое теплое письмо, погиб при освобождении Венгрии...

Слушая последние новости по телевиденью, я иногда думаю: может быть, эти страдания, потери, смерть многих солдат и офицеров, погибших за освобождение Венгрии, Польши, Прибалтики, Чехословакии, были напрасны? Одно дело – защищать свой дом, свою Родину, но... Может быть, не следовало гнать фашистов до самого Берлина, а распустить измученных войной солдат по домам – пусть другие государства на своей территории сами воюют с раненым зверем?..

Конечно, я понимаю, что такого быть просто не могло – русские в беде друзей не бросают. Так почему же сейчас, спустя шесть десятилетий, бывшие друзья так недостойно ведут себя? Почему их потомки сносят памятники русским воинам-освободителям, очерняют их память, искажают факты истории. Чем руководители этих государств сумеют оправдать это низкое предательство?

Я, человек, выросший в другой стране и в другом веке, знающий о войне только по учебникам истории, а теперь еще и по страницам дневника Михаила Воробьева, юного рабочего завода им. Молотова, уверена твердо: нельзя забывать того, что было свято для нескольких поколений людей. Нельзя забывать подвига многих моих соотечественников, воевавших на фронтах, как нельзя забыть и этого

юного паренька из города Горького, чей дневник я листаю, гибели «очень хорошего командира» лейтенанта Журавского, который не щадил своей жизни за освобождение Венгрии, и многих-многих «неизвестных солдат-освободителей», кого не дождались с фронта родные.

Сколько бы ни прошло времени – этот подвиг русского народа неоспорим в нашей истории. Он должен храниться и в официальных документах, и в нашей памяти. Иначе – нельзя!

Я очень благодарна семье Сергеевой Дарьи за возможность прикоснуться к их семейной реликвии. Низкий поклон им за то, что так трепетно они берегут память о своих близких.

Источник:

Пашкова Д. Симфония смерти для непобежденных автозаводцев. Из потерятой записной книжки: [эссе написано автозаводской школьницей Дианой Пашковой на основе дневников военных лет автозаводца М.И. Воробьева. Работа написана в рамках культурно-познавательного проекта «Я открываю Нижний Новгород»] // Нижний Новгород. – 2020. – Специальный выпуск: Трудовая доблесть. Моя семья в истории Нижнего Новгорода. – С. 116-124